

Часть первая

21 июня 2023 года

1. КОУЛ: Права на имя

— Эй, посмотри на меня!

Проверить зрачки Майлса, по-прежнему расширенные. Его организм никак не может вывести из себя наркотики, преодолеть последствия шока и страх. Коул лихорадочно пытается вспомнить азы первой помощи. В качестве спасательного круга перечень внешних факторов. Майлс способен сосредоточиться, внятно говорить. В машине он был как пьяный, то и дело проваливался в забытие. Но вскоре он станет задавать неудобные вопросы, на которые она не готова ответить. Например, насчет крови у нее на рубашке.

— Эй, — снова окликает Коул, стараясь сохранить свой голос как можно более спокойным.

Но ее саму тоже трясет после того, как схлынул адреналин. То зрелище, как Билли волокла тело Майлса, похожее на безжизненную боксерскую грушу, мысли, что он мертв. Но он не умер. Ее сын жив, и ей нужно позаботиться о том, чтобы так оно и оставалось.

— Все будет хорошо, — говорит она. — Я тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю, — с трудом выдавливают Майлс. Автоматический запрос и ответ, словно молитва в церкви. Вот только их храм — это туалет на заброшенной заправочной станции, с рядами пустых кабинок, зияющих в предрассветном свете выбитыми зубами, стульчаки с унитафов давным-давно сорваны вандалами.

Майлс все еще дрожит, обхватив худыми руками грудную клетку, плечи его опущены, зубы стучат, словно кастаньеты, он постоянно озирается на дверь, выбитую ногой, судя по расщепленной фанере. Коул тоже ждет, что дверь в любой момент распахнется. Ей кажется неизбежным то, что их обнаружат и притащат обратно. Ее арестуют. Майлса у нее заберут. В Америке детей крадут у их родителей. Так было еще до всего *этого*.

В осколках зеркала ее кожа кажется серой. Выглядит она ужасно. Как старуха. Хуже: она выглядит перепуганной до смерти. Она не хочет себя видеть. Наверное, именно это скрывают под своими масками разные свергерои — не свое истинное лицо, а то, что они готовы обделаться от страха.

Голубая кафельная плитка над раковиной местами отколота, трубы вырваны из крепежей. Но когда Коул открывает кран, тот скрипит, стонет, а затем все-таки судорожно извергает струю воды.

И это не слепая удача. Она заметила бак с водой на крыше разграбленной заправочной станции до того, как свернула с дороги и загнала машину под рваный тент. В их семье организовывал, планировал всегда Девон, но она научилась жить на тридцать секунд впереди реальности, рассчитывая все возможные траектории. Это утомительно. «Живи настоящим» — это всегда была философия роскоши. «И черт бы тебя побрал, Девон, — думает Коул, — за то, что умер вместе с остальными, оставив меня разбираться со всем одну!»

Прошло два года, крошка, а ты все еще злишься, да?

У нее в голове по-прежнему звучит насмешливый голос ее покойного мужа. Ее собственный доморощенный призрак. Сейчас такое бывает сплошь и рядом.

Лучше надейся на то, что твоя сестрица не отправилась на тот свет.

1. КОУЛ: Права на имя

Коул плещет себе в лицо водой, чтобы прогнать мысли о Билли, тошнотворный скрежет металла по кости. Холодная вода становится шоком. В хорошем смысле. Освежающим. Чувство вселенской вины можно оставить на потом. Когда они выберутся отсюда. Когда будут в безопасности. Она стаскивает с себя окровавленную рубашку и запикивает ее в бак для гигиенических отходов. Этот бак видел и не такое.

От зеркала уцелел только осколок, и в отсветах от кафельной плитки отраженное в нем лицо ее сына кажется светло-коричневым. Кофе с обильной порцией сливок. Что ему дала Билли? Бензодиазепин? Снотворное? Ей хотелось бы знать. Она надеется, что таблетки вызовут амнезию, сотрут надпись со школьной доски.

Она растирает своему сыну спину, чтобы его согреть, успокоить: обоим требуется человеческий контакт. Оспина от комбинированной вакцины против кори, эпидемического паротита и краснухи; белая полоска шрама, тянущегося от локтя вверх, который остался после того, как Майлс сломал руку, упав с верхней койки; ямка на подбородке, как у кинозвезды, доставшаяся в наследство от ее отца («Пусть тебе земля будет пухом», — на автопилоте думает она, поскольку не смогла с ним проститься). И где-то глубоко внутри блуждающие гены, к которым не смог прикрепиться вирус.

Один из миллиона. Нет, не совсем так. Один из миллиона остался в Америке. В остальном мире положение дел лучше, но ненамного. Доля выживших меньше одного процента. Что делает все таким опасным, таким глупым. Как будто у нее был выбор.

Мальчики, оставшиеся в живых. Мы их всех переловим! И сохраним, на веки вечные, навсегда. Гарантии на будущее, Закон о защите мужчин, ради их собственного блага.

Ей твердили все это снова и снова. Обязательно добавляя, что это ради их собственного блага. Господи, как же она устала!

— Так, — говорит Коул, стараясь придать голосу жизнерадостные нотки, решимость свинцом сдавила ей грудь. — Давай переоденемся в чистое.

Она роется в черной спортивной сумке, лежавшей в багажнике машины вместе с водой и канистрой бензина, — всем тем, что необходимо для бегства в первую очередь, — и достает чистую толстовку для себя, а для него — розовую футболку с длинным рукавом, с выпцветшей пальмой, украшенной яркими блестками, джинсы в обтяжку с обилием молний и горсть блестящих заколок. Из чего же сделаны наши девчонки? Из пушистых котят и вещей, что блестят.

— Я это не надену, — поднимаясь, протестует Майлс. — Ни за что, мам!

— Дружище, я не шучу. — В семье она всегда брала на себя роль плохого полицейского, устанавливая правила и ограничения, хотя быть родителем — это и так сплошная импровизация. — Представь, что это игра в «сладость или гадость», — говорит она, втыкая заколки в его негритянские кудри.

Коул вспоминает курсы, которые прилежно посещала, когда Майлс был еще совсем маленьким: «Белые мамаша: черные кучерявые волосы».

— Я уже взрослый!

Это правда? Ему всего одиннадцать — нет, двенадцать, поправляет себя она. Почти тринадцать. День рождения в следующем месяце. Неужели с конца света прошло уже так долго? Время расплывается и теряет очертания.

— Ну, тогда представь, что ты актер. Или аферист, вынужденный сменить внешность.

— Аферист — это круто, — уступает Майлс.

1. КОУЛ: Права на имя

Она отходит назад и окидывает сына оценивающим взглядом. Надпись розовыми блестками поверх выцветшей пальмы гласит: «Вот как мы отдыхаем в Калифорнии». Но только буква «т» осыпалась, и теперь вместо «вот» получается «во», хотя, может быть, это было сделано сознательно, даже в группе товаров для детей от двенадцати до четырнадцати. В обтягивающих джинсах ноги Майлса кажутся еще более худыми. Он резко вымахал — эта неуклюжая стадия, когда от тела остаются одни конечности.

Коул смотрит на часы Девона, слишком большие на ее тонком запястье, и с трудом разбирает цифры среди выгравированных на циферблате созвездий. Астрономический подарок на юбилей. На крышке гравировка: «С тобой все время вселенной», вот только это оказалось самым большим обманом.

Я хочу сказать, крошка, я предпочел бы не умирать страшной смертью от этой чумы. Это просто так, кстати.

Сосредоточиться на цифрах. Шесть ноль три утра. Сорок восемь минут с того момента, как она обнаружила, что Билли затаскивает Майлса, его обмякшее тело, на заднее сиденье «Лады». Сорок восемь минут с того момента, как она взяла в руку монтировку.

Не думай об этом!

«Да, Дев, хорошо. У кого сейчас найдется время на это».

Внедорожник стоял именно там, где и должен был стоять, на стоянке перед пустынным торговым центром неподалеку, где их брошенная машина не будет выделяться среди других забытых машин. Они вместе с Билли снова и снова прошлись по своему плану. На нее произвела впечатление предусмотрительность ее сестры, внимание к мелочам. Скрыться с места, поменять машины, добрать-

ся до Сан-Франциско. Ключи были спрятаны под колпаком колеса, бензобак полный, припасы в запертой коробке под задним сиденьем: вода, сменная одежда, аптечка первой помощи.

Все это Коул проделала на автопилоте, оцепеневшая от ужаса, забрызганная кровью. Вот только поехала она не туда, куда они собирались, а в противоположную сторону, прочь от побережья и богатых благотворителей Билли, устроивших все это, в глубь континента, в направлении пустыни. Эта дорога была менее оживленной, менее очевидной, и с меньшей вероятностью она могла вывести прямо на блокпост с поджидающими женщинами-солдатами, вооруженными пулеметами.

Увеличивая тяжесть совершенного ею преступления. У нее отнимут Майлса — теперь уже окончательно, — а ее саму арестуют, выбросят ключ от камеры или того хуже. Как в нынешней атмосфере относятся к смертной казни, с учетом Соглашения о запрещении воспроизводства, призванного сохранять жизнь? Вероятно, безрассудное создание угрозы жизни гражданину мужского пола является самым тяжелым преступлением. Более тяжелым, чем даже то, что произошло с Билли. Сорок восемь — нет, уже сорок девять минут назад. Коул была в ярости и в то же время страшно перепугалась.

Твоя сестрица мне никогда не нравилась.

— Мам! — тихо окликает Майлс, отрывая ее от воспоминаний, не позволяя провалиться с головой в панику.

— Извини, тигренок. Я просто задумалась. — Она держит сына за плечи, восхищается его отражением. Пытается улыбнуться, шутит для пущей убедительности. — Выглядит неплохо.

— Правда? — Сарказм здоровый. Высшая нервная система в порядке. Сотрясения мозга не было.

1. Коул: Права на имя

— Тебе необязательно любить свой новый наряд. Но в настоящий момент это как раз то, что тебе нужно. Ты теперь Мила.

Майлс часто моргает своими длинными ресницами, поджимает губы, глядя на свое отражение в зеркале. Вытянутые вперед губы «уточкой», олицетворение презрения.

— Мила.

Коул рассеянно думает о том, что нужно было бы захватить тушь для ресниц. Добавить это в список. Продукты, деньги, бензин, убежище, возможно, новая машина, нужно и дальше продолжать менять их, и *тогда* можно будет заскочить в ближайший магазин косметики, чтобы закупить все товары для девочки, которые понадобятся переодетому девочкой мальчику.

— Вымой руки, нам не нужно, чтобы ты заболел.

— У меня же иммунитет, забыла?

— Расскажи это всем остальным вирусам. Вымой руки, тигренок.

Коул приоткрывает выщербленную дверь в окружающий мир, и там нет никаких дронов, никаких вертолетов, никаких женщин в кевларовых бронежилетах с автоматическими винтовками, окруживших заброшенную заправку. Их не нашли — пока что не нашли, — и внедорожник по-прежнему стоит там, где она его оставила, под брезентовым навесом, готовый ехать дальше.

— Все чисто. — Она торопливо ведет его к машине. Простите, *ее*. Это нужно твердо усвоить. Нельзя совершить ошибку. Еще одну ошибку.

Майлс послушно забирается в машину. Коул так рада, что он плывет по течению, не задавая вопросов (пока что), потому что если он начнет задавать вопросы, она сломается.

— Тебе лучше лечь на пол, — говорит Коул. — Двоих никто не ищет.

— Мам, но куда мы едем?

— Домой. — Мысль эта нелепая. Тысячи миль, целый океан и вот теперь еще множество уголовных преступлений отделяют их от возвращения в Йоханнесбург. — Но пока что нам нужно затаиться. — Она говорит это не столько для себя, сколько для него. Для *нее*.

— Спасаемся бегством. Как преступники, — говорит ее *дочь*, стараясь оживиться.

— Это еще лучше, чем аферисты! Бродяга Коул и Малышка Мила!

— А разве не Малыш Билли¹? Кстати, а тетя Билли не будет на меня злиться, если я возьму ее прозвище?

— Оно будет твоим до тех пор, пока она нас не нагонит. Считай это совместной опекой.

— С именами так нельзя.

— Послушай, когда я проверяла в последний раз, к концу света обычные правила неприменимы. — Легкомысленность в качестве защитного механизма: обсуждать пустяки.

— Мам, а *где* тетя Билли? Я не помню, что произошло. Проклятие!

— Когда мы бежали, она схватилась с одной охранницей. — Слишком гладко. Она не может смотреть на него. Простите, на нее. — Вот почему у меня испорчена рубашка. Но не беспокойся! С ней все в порядке. Она нас непременно нагонит, хорошо?

— Хорошо, — нахмурившись, говорит Майлс. Хотя на самом деле ничего хорошего нет. Но им нужно жить с тем, что у них есть.

Они отъезжают от заправки. Небо над долиной Напа пастельно-голубое, с сухими мазками облаков над одичав-

¹ Уильям Генри Маккарти по прозвищу Малыш Билли (1859–1881) — знаменитый американский преступник. (*Здесь и далее прим. перевод.*)

2. МАЙЛС: Точка исчезновения

шими виноградниками. Высокая бледная трава на полях дрожит и трепещет на ветру. Все это делает факт убийства далеким и маловероятным. Красота допускает благовидное отрицание. Коул размышляет, что, возможно, в этом и заключается вся функция красоты в нашем мире: она помогает человеку не видеть то, что ему неприятно.

2. МАЙЛС: Точка исчезновения

Сквозь туманную дымку вдалеке подобно миражу в пустыне видны силуэты городских зданий, рестораны, предлагающие фастфуд, кровать, может быть, даже телевизор — если все это еще существует, размышляет Майлс. Занесенное ярко-желтым песком шоссе исполосовано по крайней мере одним комплектом шин, то есть кто-то проехал здесь перед ними, и они не Последние Люди, оставшиеся на Земле, и они не совершают Самую Страшную Ужасную ошибку, покидая безопасность «Атараксии»¹, хотя она и казалась самой прикольной тюрьмой в мире. #ЖизньвБункере. И все-таки это определено было лучше, чем военная база.

— Песок похож на золотую пыль, ты не находишь? — говорит мама, то включая, то отключая свою телепатию. — Можно было бы сгрести его в кучу и поплавать в нем, обсыпая друг друга.

— Угу. — Майлс уже устал быть в бегах, хотя не прошло еще и одного дня. У него сводит живот, хотя, может быть, это от голода. Ему нужно пересилить лютую ненависть к изюму и съесть батончик из запасов, пригото-

¹ Атараксия — душевное спокойствие, невозмутимость, безмятежность, по мнению древнегреческих философов, достигаемая мудрецом.

ленных Билли. При мысли о тетке в его сознании словно стирается защитный слой.

У него в голове туман, который он не может прогнать. Майлс старается вспомнить то, что произошло этой ночью, как они сюда попали. Ему приходится брести по своим воспоминаниям подобно герою фильма «Бесконечная история» Артейю и его верному коню Артаксу, с каждым шагом все глубже увязающим в болото. Ссора с Билли. Майлс никогда не видел маму такой разъяренной. Они ссорились из-за *него*, из-за того, что сказала Билли, выразив свою главную мысль, и он снова краснеет от стыда и отвращения. Такая мерзость! А потом ничего. Он заснул на кушетке, в наушниках, и вот уже мама вся в слезах гонит машину как сумасшедшая, рубашка у нее в крови, на щеке темная царапина, а теперь они здесь. Наверное, все в порядке. Мама сказала, что все в порядке. И она сказала, что подробно расскажет обо всем, когда будет готова. Когда они будут в безопасности. Нужно упорно идти через болото, думает Майлс. Чтобы не затянула тряпина.

Он смотрит в окно на поле самодельных крестов, их многие и многие сотни, раскрашенных в разные цвета. Опять мемориалы мертвых, подобно Дереву памяти на объединенной военной базе Льюис-Маккорд, куда все вешали фотографии своих умерших отцов, сыновей, братьев, дядей, родственников и друзей, умерших от ЧВК. Майлс ненавидел это дерево, как и его вроде бы друг Джонас, единственный мальчишка его возраста на всей военной базе.

Бледный прямоугольник на фоне неба, по мере того как они приближаются к нему, превращается в выцветший рекламный щит. На нем седой мужчина и дама со светлыми волосами в теннисках, устремили взгляд в пустыню с благоговейной радостью, словно Моисей и его супруга, смотрящие на Землю обетованную, но только кто-то ис-

2. МАЙЛС: Точка исчезновения

писал мужчине лицо похабными словами, закрасил ему глаза и изрисовал черточками ему рот так, что получился череп или стежки. Но зачем зашивать человеку рот, если не собираешься отрубить ему голову? Внизу крупным шрифтом: «Жилой комплекс «Орлиный ручей» — спешите, в продаже четвертая очередь! Не пропустите!»

«Не пропустите», — беззвучно шевелит губами Майлс, потому что именно так работает реклама, и маму она тоже цепляет, поскольку, когда через две мили они встречают дорожный указатель «Орлиный ручей», мама сворачивает с шоссе.

— Надо посмотреть, что там. Если все в порядке, отсидимся до конца дня.

— Но город ведь там! — возражает Майлс.

— Мы еще не готовы к встрече с цивилизацией. Мы не знаем, что там. Возможно, город захватила банда байкеров-людоедов, которые захотят сделать из нас очень-очень вкусный бекон.

— Мам, замолчи!

— Ну ладно, извини. Никаких байкеров-людоедов не бывает. Обещаю. Просто мне нужно немного отдохнуть. И я хочу, чтобы у тебя было время потренироваться быть девочкой.

— А это трудно?

— Если честно, порой и я не знаю, каково быть девочкой.

— Это потому, что ты взрослая женщина.

— Верно подмечено, но я также не знаю, каково быть взрослой женщиной. Все мы только притворяемся, тигренок.

— Это не очень обнадеживает.

— Знаю. Но я стараюсь.

— Да. *Очень* стараешься! — Какое же это облегчение — вернуться к привычным хохмам, приколам и остро-